

Социологическая публицистика

© 2020 г.

С.Д. БОДРУНОВ

МИРОВЫЕ КРИЗИСЫ XXI ВЕКА ОБНАЖАЮТ ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич – доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, президент Международного союза экономистов, Санкт-Петербург, Россия (inir@inir.ru).

Аннотация. Главный акцент статьи – системный кризис, который пандемия лишь интенсифицировала, обнажив противоречия и необходимость качественной, хотя и постепенной, трансформации существующей системы по направлению к ноономике. Этой задаче подчинена логика статьи, в которой, с опорой на предыдущие исследования автора, его предшественников и коллег, раскрываются противоречия современной ситуации, приводящие к углублению социального неравенства, неспособности использовать новую волну технологической революции для решения глобальных проблем, деструктивным тенденциям в модели потребления и образе жизни людей, вызывающей финансиализацию, мировые кризисы, обострение глобальных проблем. Преодоление этих противоречий видится на пути перехода к новому качеству общественного производства и ориентации на развитие человеческих качеств. Новые технологии создают материальные предпосылки для того, чтобы уйти от экономических критериев производственной деятельности и перейти к ноономике – общественной системе производства, находящейся под контролем человеческого разума и ориентированной на критерии культуры.

Ключевые слова: социальное неравенство • финансиализация • технологическая революция • ноономика • развитие личности • культура

DOI: 10.31857/S013216250009808-1

В последние месяцы вышло немало публикаций, в которых причиной разразившегося кризиса экономики называется пандемия коронавируса [Farzanegan et al., 2020; Sforza, Steininger, 2020] (см. также публикации в The Economist¹). Однако это далеко не так. Пандемия стала мощным триггером кризиса, его акселератором, но она не создала, а интенсифицировала те процессы, которые стратегически мыслящие исследователи выявили уже давно.

* * *

Уже во время кризиса 2008–2010 гг. появилась целая серия публикаций [Пороховский, 2009; Contemporary..., 2010], в которых было показано, что *мировая экономическая рецессия и обострение социальных противоречий, ею вызванных, – это не случайность, а*

В основу статьи положен доклад на пленарном заседании Московского академического экономического форума – 2020 «Постпандемический мир и Россия: новая реальность?».

¹ Paying to Stop the Pandemic // The Economist. 2020. March 21–27. P. 9–10; Governments Are Spending Big to Keep the World Economy from Getting Dangerously Sick // The Economist. 2020. March 21–27. P. 19–21.

закономерный результат внутренних противоречий господствующей системы, порождающей финансиализацию (причем не только экономики, но и социальной сферы), углубление всех видов неравенства, эскалацию социополитических конфликтов и т.д. Через десять лет, в 2019 г., о наступлении новой волны кризиса предупреждали многие², а директор-распорядитель Международного валютного фонда (МВФ) К. Георгиева заявила, что «мировая экономика рискует вернуться в эпоху Великой депрессии, вызванной неравенством между разными группами населения стран и нестабильностью финансового сектора»³.

Наблюдается кризис сложившейся к настоящему времени модели социально-экономической системы, основанной на институте собственности, рынке и прибыли в качестве главной цели общественного производства, обуславливающих господство рыночного фундаментализма, финансового капитала, тотальную коммерциализацию («очастничество») социальной сферы. Обоснование этого вывода дано автором в серии предыдущих работ [Бодрунов, 2016а; 2018], и эти противоречия хорошо известны. Наша задача в данном тексте – показать, что эти противоречия могут быть разрешены в процессе становления социальных форм, адекватных тем изменениям, которые уже происходят под влиянием прогресса технологий, а также указать на то, что пандемия, во-первых, интенсифицировала фундаментальные противоречия, а во-вторых, обусловила при этом формирование ряда социальных отношений и институтов, которые становятся своего рода прологом к грядущим качественным изменениям (о которых – в заключительной части статьи).

Начнем с того, что многообразие социально-экономических противоречий современного общества обусловлено в исходном пункте тем, что подчинение человека товарному фетишизму, фирм – целям извлечения прибыли, социума – увеличению валового внутреннего продукта обуславливают формирование и приоритизацию отношений и институтов, ориентирующих общественное развитие на всех уровнях социальной структуры на максимизацию денежного дохода как главного результата и высшей ценности. Такая ориентация с неизбежностью ведет к росту социального неравенства во всем спектре его проявлений [Бузгалин, 2018] – концентрации собственности и доходов в руках меньшинства, лишении большинства и того, и другого, росту бедности. Серия исследований показала, что в течение последних десятилетий мы наблюдаем сильнейшую за всю новейшую историю поляризацию доходов, причем не только между мизерным процентом богатых граждан и все более увеличивающимся в размерах и глубине нищеты основным населением, но и между странами, и этот разрыв увеличивается [Пикетти, 2015]. При этом ускоренные темпы роста экономики, успехи технологического развития и т.п. далеко не пропорционально трансформируются в повышение жизненного уровня людей. Более того, в условиях современной социально-экономической модели они влекут за собой усиление несправедливости в распределении плодов этого роста. Это – путь в тупик, ибо главным субъектом платежеспособного спроса было и будет все более нищающее большинство, доходы которого сокращаются.

Это противоречие капиталистической рыночной экономики было показано еще в XIX в. К. Марксом [1961], а впоследствии, во времена Великой депрессии 1929–1933 гг., под влиянием процессов социального строительства, начавшегося в Советском Союзе, переосмыслено Дж.М. Кейнсом [2012] и Ф.Д. Рузвельтом, предложившими (и теоретически, и практически) пути смягчения ограничений спроса за счет снижения неравенства и усиления общественного регулирования. Эти шаги были затем развиты в теориях и практиках социального рыночного хозяйства в послевоенной Западной Европе [Ойкен, 1996; Эрхард, 2001].

² Шерункова О., Чемоданова К. Смертельные вирусы экономики: как начнется мировой кризис. Новый мировой кризис может разразиться в 2020 году // Газета.ру. 2019. 1 сентября. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/09/05/12628591.shtml> (дата обращения: 04.07.2020).

³ Астафурова К. Глава МВФ увидела возвращение мировой экономики к Великой депрессии // РБК. 2020. 18 января. URL: https://www.rbc.ru/economics/18/01/2020/5e22d45c9a7947ad7e9a4500?from=from_main (дата обращения: 04.07.2020).

Однако конец XX и начало XXI в. в силу естественного развития рыночных отношений, взрастивших глобализацию мировой экономики, ознаменовались новой волной десоциализации и дерегулирования, создавшей предпосылки для все более активного, приоритетного развития финансового капитала [Laravitsas, Levina, 2010; Рязанов, 2016; Мавродес, 2019; Сифакис-Капитанакис, 2019; Файн, 2019] и порождаемого (и постоянно поддерживаемого, и наращиваемого) им симулятивного потребления – вплоть до потребления все более и более уже не собственно продуктов и услуг, а их знаков [Baudrillard, 1994], причем во многих случаях не имеющих обозначаемого (именно об этом предложена в философии постмодернизма категория «симулякр»⁴), создаваемых и потребляемых во все большей мере в виртуальном пространстве.

Экспансия финансиализации и симулятивного потребления позволила временно преодолеть пределы перенакопления капитала в реальном секторе и создать видимость снятия противоречий социального неравенства. Так, в частности, рост образовательных и ипотечных кредитов на время смягчил вызванные тотальной коммерциализацией социальной сферы противоречия неравенства в доступе к таким базовым ресурсам социального развития, как жилье и образование [Яковлева, 2019], но стал одной из предпосылок будущих кризисов XXI в. Это на время отложило кризис как таковой, однако этот потенциал был исчерпан в конце 2000-х гг., и финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. в очередной раз поставил указанную проблему в полный рост, а глобальный кризис 2020 г. сделал ее буквально общечеловеческой.

Отметим, что данное качество, естественным образом присущее рыночной экономике, является не столько результатом научно-технического прогресса самого по себе, сколько результатом использования глобальным капиталом НТП как инструмента достижения своих целей (увеличения накопления в условиях перенакопления), что ведет к возгонке отмеченной выше проблемы, формирующей пределы для капитала. В этом смысле мы не согласны с У. Бекком [2000], который делает ответственным за рисковость современного общества в том числе прогресс технологий. Полемика по этому вопросу не входит в задачи статьи, поэтому отметим только один аргумент: в Китае стратегическое планирование, в том числе социальное, государственный контроль за финансами и целенаправленная, последовательная реализация целей социальной политики позволяют устойчиво развиваться стране вот уже более 40 лет и сохранять рост даже в условиях кризисов [Чэнь, 2019].

В отличие от Китая (а также Вьетнама), в большинстве социумов наблюдаемое в последние десятилетия явление, которое мы назвали «ускорением ускорения» научно-технического прогресса [Бодрунов, 2016а], ведет к ускоренной поляризации центров присвоения общественного богатства и усугублению социальных проблем. Таким образом, выделенное выше противоречие обостряется по мере научно-технического прогресса, несмотря на то, что достигнутый уровень технологий уже сейчас в принципе создает материальную базу для обеспечения достойной жизни всему населению планеты.

Характерно, что всякий раз, когда начинается переход к качественно новым технологиям, это противоречие становится нетерпимым и требует глубоких изменений в экономике и обществе. Достижения в сфере технологического развития, поставленные на службу не прогрессу общества в целом, а в значительной и все увеличивающейся мере – той его части, которая является владельцем средств производства и капитала, позволяют «выкачивать» средства из оставшейся части населения быстрее, чем прирастает доход этой части в силу расширения возможностей удовлетворения потребностей, получаемых обществом в результате НТП, что и обуславливает усиление поляризации. Так, в условиях

⁴В наше время понятие «симулякр» используют в том смысле, в каком его обычно использовал Ж. Бодрийяр. Так, по выражению Н.Б. Маньковской, исследователя работ Ж. Бодрийяра, «симулякр – это псевдовещь, замещающая “агонизирующую реальность” постреальностью посредством симуляции» [Маньковская, 2000: 60].

господства индустриальных технологий и репродуктивного труда массы фабричных рабочих эта система отношений обеспечивала технологический прогресс, создав в конечном итоге массовое производство и массовое потребление на основе конвейерного производства. Противоречия этой системы и монополизма частных корпораций «взорвали» этот вид рыночной экономики и вызвали к жизни реформы Рузвельта. Взрывная волна научно-технического прогресса 1950–1960-х гг., не случайно названная научно-технической революцией, потребовала перехода к социальному рыночному хозяйству, но уперлась в ограниченность социализации распределения без социализации производства, что обусловило приход эпохи глобализации и неолиберального капитализма. Прогресс информационно-коммуникационных технологий стал основой для господства финансово-спекулятивного капитала, симулятивных потребностей, удовлетворяемых при помощи уже не товаров, а их знаков.

Сейчас, в эпоху четвертой индустриальной, научно-технологической революции, в период перехода к шестому технологическому укладу, это – именно та модель экономики, которая исчерпала себя и дальнейшее сохранение которой ведет цивилизацию в тупик. Как отмечает нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, возникает «желание найти лучший подход к управлению структурой экономики»⁵.

Есть ли такие подходы?

* * *

Есть – и весьма разнообразные. О необходимости **социализации рыночно-капиталистической общественной системы** пишут многие зарубежные и отечественные исследователи [Стиглиц, 2003; Harvey, 2003; Кругман, 2004; Гринберг и др., 2007; Shaikh, 2016; Бузгалин, Колганов, 2018], но, как правило, эти императивы обосновываются либо общегуманистическими соображениями необходимости ориентации на социальную справедливость, либо стремлением доказать, что такая – социальная – ориентация обеспечивает улучшение макроэкономических индикаторов и позволяет решать те или иные социальные и экологические проблемы [Преобразование..., 2015; Бобылев, 2020].

Эти соображения, при всей их справедливости, несут по преимуществу характер пожеланий, рекомендаций. Автор, не отрицая гуманистический характер таковых, предлагает, в свою очередь, во-первых, обоснование объективной необходимости таких изменений, исходящей из противоречий развития технологий и социально-экономических институтов, и, во-вторых, концептуальную характеристику того нового качества социума, которое закономерно вызревает в недрах существующей общественной системы и состоит не просто в большей социализации существующей системы, но – в переходе к новому типу социальной организации⁶.

Эти положения мы представили в упомянутой выше серии наших работ. Исходный пункт этого исследования – выделение материальных предпосылок для выхода из тупиковой ситуации, порождаемой основным противоречием существующего социума. Отказ от миражего постиндустриализма позволяет нам увидеть, что новые технологии должны вести не к деиндустриализации (этот путь уже показал в странах «ядра», пользуясь терминологией мир-системного анализа, свою тупиковость, вызвав запоздалую попытку

⁵ Стиглиц Дж. Я не вижу, что на экономику надвигается кризис // Вольная экономика. 2020. № 13 (январь–март). С. 48.

⁶ Здесь следует сделать пояснения. Категория «социализация» имеет разное содержание в разных науках – социальной психологии, философии, политической экономии, социологии. В данном случае важно выявление двойного характера процесса социализации. Это, с одной стороны, повышение социальных качеств человека, его вовлечение в институты общества как адекватного и полноправного члена, приобретение им человеческих (ноо)качеств, превращение в социальное существо, личность. Но, с другой стороны, человек одновременно содействует росту социализации общества, понимаемой здесь как процесс формирования таких общественных отношений и институтов, которые способствуют прогрессу личностных качеств человека, создают адекватные социальные формы этого прогресса в перспективе продвижения к ноообществу.

переориентации приоритетов социального прогресса с финансов и симулятивного потребления виртуальных знаков на развитие качественно новых технологий именно материального производства).

Новые технологии – это не уход от материального производства, а прежде всего *качественно новое материальное производство*, главным ресурсом развития которого становится знание; это – *знаниеемкое производство* [Бодрунов, 2016b; 2019]. Его главное звено – *индустрия нового поколения*, основанная на технологиях шестого технологического уклада – робототехнике, Интернете вещей и – шире – НБИКС-технологиях.

Здесь, впрочем, возникает объективная тенденция, которая в ряде случаев вызывает у ее исследователей когнитивный диссонанс: правильно зафиксировав то, что все меньшее число работников становится занято в собственно материальном производстве (прежде всего – индустриальном), эти авторы объявляют о приходе постиндустриальной эры и как бы (воспользуемся здесь этим более чем уместным постмодернистским термином) «исчезновении» материального производства. Но они не хотят видеть того, что материальное производство не только не исчезает, но развивается, становится все более производительным, при этом, однако, все более безлюдным. Рождается качественно новая – безлюдная, знаниеемкая, «умная» индустрия, а человек выходит из сферы материального производства в узком смысле слова и становится «по ту сторону» последнего, о чем как об объективной тенденции писал еще К. Маркс. В своих прошлых работах мы назвали это *Новым индустриальным обществом второго поколения (НИО.2)*, показав, что оно по спирали «отрицания отрицания» (Новое индустриальное общество середины XX в., по Дж.К. Гэлбрейту [1969; Гэлбрейт: возвращение..., 2017], – постиндустриальное общество, согласно Д. Беллу и последователям [Drucker, 1993; Castells, 1996; Белл, 2004]) – НИО.2) приводит к созданию материально-технических оснований качественно новой системы общественных отношений и институтов.

Какие **объективные тренды** ведут сегодня в направлении формирования такой системы? Прежде всего – негативный: существующий порядок неэффективен в условиях глобального кризиса, который стал реальностью. Нужны глубокие трансформации.

Налицо и позитивные тренды, которые эмпирически наблюдаемы и уже фиксируются теоретиками. Это, во-первых, все более настойчивая необходимость *отказа от ориентации социального развития на рост ВВП*. Уже не только всемирно признанные эксперты (Стиглиц, Кругман и др.), но и авторитетнейшие международные организации, лидеры делового сообщества и ведущие государственные деятели⁷ [Преобразование..., 2015; Шваб, 2018] говорят о необходимости переориентации мирового и национального развития на другие показатели, системный вариант которых предложен, в частности, международной комиссией во главе с Дж. Стиглицем и его единомышленниками [Стиглиц и др., 2016]. Идет поиск индикаторов обновления нынешней экономической парадигмы развития, сопровождаемый констатацией неадекватности принятых ныне показателей экономического развития и необходимости принятия индексов, лучше отражающих удовлетворение реальных потребностей людей, – более равноправного доступа к образованию и сохранению здоровья, достойного уровня социальной защищенности⁸. Именно такие показатели, а не простой рост валового продукта, все больше определяют зрелость общества, его продвижение по пути социального прогресса.

Во-вторых, это *переоценка ценностей человека*, создание таких социальных отношений и институтов, формирующих человека и общество, для которых приоритетными станут несимулятивные потребности – потребности в прогрессе человеческих качеств и технологическом прогрессе. Такой процесс сегодня рождается по преимуществу в рамках институтов гражданского общества, прежде всего – в экологических движениях и

⁷ Подробнее анализ источников дан в работе [Теняков, 2016].

⁸ Беляев М. Рыночная модель зашла в тупик // Вольная экономика. 2020. № 13 (январь–март). С. 32.

организациях, обосновывающих объективную необходимость перехода к образу жизни, снимающему противоречия «общества потребления».

В-третьих, это структура регуляторов, позволяющая *снизить социальное неравенство* как внутри национальных систем, так и на международном уровне и создающая условия для возрождения массового спроса на блага, обеспечивающие устойчивое развитие, прогресс человека и общества, а не на симулякры. Эти новые потребности, как и любые потребности, станут и стимулом, и новым ориентиром ускорения технологического развития. Подчеркну: в создании социальных слоев, способных генерировать в массовом масштабе спрос на знания, на качественные средства развития, а не в предотвращении очередного социального взрыва (которого, весьма вероятно, и не будет в «обществе объектов манипулирования»), будет состоять главная задача снижения социального неравенства.

В-четвертых, пока весьма (на наш взгляд – ошибочно!) недооцениваются тренды *диффузии института собственности и социализации собственности*, выражающиеся в практиках совместного пользования и совместной работы – каршеринга, коворкинга, коливинга и т.п. [Laurenti et al., 2019; Mosmann, 2019].

Все эти тренды возникли уже много лет назад. Однако в настоящее время их актуальность резко обнажилась в связи с мировым кризисом, обостренным пандемией. Последняя рельефно обнажила их подлинную значимость. И не только обнажила. Нынешний кризис ускоряет многие тенденции и процессы и в социальном развитии, и в нашем осмыслении путей разрешения не только текущих проблем, но и способов трансформации нынешней модели основных социальных институтов и образа жизни людей, всего социального устройства.

Специфика пандемии, требующая новых моделей поведения человека и общества (удаленно-дистанционное общение и онлайн-образование, усиление тенденций внедрения робототехники и безлюдных технологий в индустрии, солидарность и более социально ответственное поведение как в сфере производства общественного продукта, так и в обычной жизни, в быту, и др.), не только отразится на будущей жизни, но и подтолкнет многие процессы, продвигающие нас в общественном бытии, к трансформации нынешней парадигмы развития, характеризующейся «экономизацией» всех социальных институтов, в *ноономику* [Бодрунов, 2018]. Генезис ноономики – качественно нового состояния общества, снимающего названные выше ограничения рыночной экономики и экономического типа отношений, – и есть результат тех описанных выше трендов, о которых мы говорили в связи с рождением автоматизированного («умного») материального производства и новых социальных институтов, что создает возможность движения в направлении к этому новому общественному состоянию. Но рождение ноономики есть и объективная необходимость дальнейшего социального прогресса, обусловленная хорошо известными и специально акцентированными выше императивами отказа от ориентации социального развития на экстенсивный рост экономических результатов (прибыли, продаж, ВВП), торможении симулятивного потребления и т.п.

Рассмотрим эти аспекты подробнее.

* * *

Переход к ноономике базируется, прежде всего, на сдвигах в материальной основе производства – как на изменениях в пространстве технологий, так и на изменениях в содержании и характере человеческой деятельности. Технологии шестого уклада создают необходимые предпосылки для формирования «индустрии 4.0», основанной на сочетании роботизированных производств, связанных между собой промышленным Интернетом вещей, с контролем искусственного интеллекта, опирающегося на обработку больших массивов информации (Big Data), получаемых от множества встроенных датчиков через тот же Интернет вещей. Такой комплекс технологий впервые может реально вывести человека за пределы непосредственного материального производства. За человеком остаются функции целеполагания, получения и технологического применения нового знания. Таким образом, подобное производство можно назвать ноопроизводством – в том смысле, что

человеческий разум, человеческое знание станет и определяющим его ресурсом, и главным регулятором производства, в котором машины будут выполнять все остальные – некреативные – функции.

Как мы отметили ранее, К. Маркс обосновал движение в этом направлении еще во второй половине XIX в., увидев тенденцию возрастания роли человеческого знания в развитии индустриального производства⁹. Однако только сегодня создается та технологическая основа, на которой реальностью становится выход человека из непосредственного материального производства и его переход к функциям организатора и контролера безлюдного материального производства.

Но если человек выходит из непосредственного производства, то прекращаются отношения людей «по поводу производства». Исчезают производственные отношения, и производственная сфера перестает быть экономической. Конечно, хотя человек выходит из производства, оно все равно играет роль материального условия жизни человека. Но поскольку люди сами не включены непосредственно в процесс производства, *это будет уже не экономика, а ноономика – отношения не в рамках производства, осуществляемого человеком непосредственно, а отношения по поводу ноопроизводства, развивающегося без прямого участия человека, но регулируемого и направляемого человеческим разумом.*

Новейшие технологии создают предпосылки для существенного сдвига в уровне удовлетворения несимулятивных потребностей людей. Однако сам по себе этот сдвиг не означает снятия социальных противоречий. Уровень потребления не влияет на такие противоречия, как противоречие между ростом значимости для индивида социально-экономической среды и индивидуализацией личной жизни; между естественной потребностью в «прайвеси» и принципиальным снижением возможности его реализации в «технологически открытом» обществе, и т.п. Весьма острым может быть конфликт между стремлением к равному доступу к базовому ресурсу – знаниям и невозможностью (физической!) достижения такого равенства в силу неравных способностей людей; между требуемым при переходе к ноопроизводству уровнем компетенций и значимым количеством членов общества, не могущих достичь такого уровня.

Ряд авторов (см., напр., [Иноземцев, 1998: 435]) связывают неравенство в «экономике знаний» прежде всего с врожденными способностями, которые и предопределяют превращение одних в «элиту», а других в «низы»¹⁰. Мы предлагаем другой подход. Не отрицая значения врожденных способностей и склонностей, в такого рода утверждениях следует видеть скорее проекцию на будущее современных социальных условий. Различия в интеллектуальной продуктивности людей гораздо меньше связаны с различиями во врожденных биологических способностях, нежели с социальными условиями – предпосылками и препятствиями прогресса креативности. Именно социальные барьеры затрудняют доступ к качественному образованию, интеллектуальным ресурсам и благам культуры в широком смысле. Эти же барьеры препятствуют реализации множеством людей своих способностей именно в тех видах деятельности, к которым они обладают индивидуальными склонностями, развитию их творческого потенциала. Не стоит сбрасывать со счетов и потенциал современных когнитивных технологий, позволяющих расширить способности человека к творческому осмыслению и преобразованию действительности.

Новое неравенство будет резко отличаться от нынешнего неравенства возможностей поглощать природные ресурсы, наращивая потребление материальных благ и услуг. Возникнет другое неравенство – в способностях людей удовлетворять духовные

⁹К. Маркс отметил тенденцию превращения «...процесса производства из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей» [Маркс, 1969: 208], в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку» [Маркс, 1969: 221].

¹⁰См. также: Делягин М. Трансформация современного человечества и императивы постсоветского пространства // Odnako.org. 2011. 4 июня. URL: <http://www.odnako.org/blogs/transformaciya-sovremenno-go-chelovechestva-i-imperativi-postsovetского-prostranstva/> (дата обращения: 04.07.2020).

потребности, развивать потенциал личности, творческую самореализацию, удовлетворять культурные запросы.

Однако, пока не произошел переход к ноономике, пока мы находимся в пределах экономического общества, экономическое неравенство имеет существенное значение. Его изучение позволяет установить зависимость между уровнем (темпами) удовлетворения потребностей и уровнем (темпами) их роста в разных стратах общества на разных этапах цивилизационного развития. Сегодня такие исследования предпринимаются значительными группами ученых, видящих в индикаторах неравенства свидетельства нарастающего социального напряжения [Wright, Perrone, 1977; Wolff, 2008, Неравенство доходов..., 2014; Пикетти, 2015; Стиглиц, 2015; ILO, 2015; Бодрунов, Гэлбрейт, 2017].

Такие исследования позволяют оценить приближение социально-экономической системы к точке бифуркации, чреватой ее разрушением и переходом в новое состояние. Мы сейчас не можем сколько-нибудь конкретно описать социальные отношения в обществе, основанном на автоматизированном высокопроизводительном материальном производстве и новом типе общественных отношений. Задача исследования – не конструирование утопий, а анализ объективных противоречий и трендов, указывающих на направление их разрешения. Поэтому наша характеристика ноономики объективно должна ограничиться лишь указанием на то, какие противоречия существующей системы ноономика должна разрешить, какие тренды погасить, а для каких, наоборот, создать новые импульсы развития. Наша задача состоит также в том, чтобы показать, какие материальные возможности (прежде всего – технологические) развиваются уже сегодня для обеспечения продвижения в этом направлении и какие угрозы возникают в случае, если общественная эволюция пойдет по иному пути.

И последнее. Глобальный кризис 2020 г., который еще только разворачивается и который нынешняя пандемия лишь усилила, показал, что глобальные проблемы – это актуальнейшие практические вопросы нашей сегодняшней жизни, и что в жизни людей могут очень быстро происходить глубокие социальные сдвиги. Карантинные мероприятия изменили структуру деятельности людей, принудительно ограничив одни ее виды и вызвав вспышку востребованности в других. Высокая смертность и неопределенность, хаотизация жизнеустройства резко обострили значимость реальных, несимулятивных ценностей – жизни, здоровья, общественной стабильности. Мир меняется, он вынужден меняться, чтобы выйти из тех противоречий, опасное накопление которых происходит в современной социально-экономической системе. И чтобы эти перемены не приобрели характер взрывоопасного хаоса, к ним надо осознанно готовиться уже сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / Пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004.
- Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономики. 2020. № 1(21). С. 67–83. DOI: 10.5281/zenodo.3753332.
- Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016а.
- Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие // Общество и экономика. 2016b. № 9. С. 5–21.
- Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.
- Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. 2019. № 4. С. 6–18.
- Бодрунов С.Д., Гэлбрейт Дж.К. Новая индустриальная революция и проблемы неравенства. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2 т. Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 4-е, испр. и суц. доп. М.: ЛЕНАНД, 2018.

- Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономики. 2018. № 2. С. 10–38.
- Гринберг Р.С., Дегтярь Л.С., Горшков М.К. Социальное неравенство и публичная политика / Под ред. В. Медведева. М.: Культурная революция, 2007.
- Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
- Гэлбрейт: возвращение / Под ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2017.
- Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: Academia – Наука, 1998.
- Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Пер. с английского Н.Н. Любимова. М.: Гелиос АРВ, 2012.
- Кругман П. Великая ложь. М.: АСТ, 2004.
- Мавродес С. Гипотеза финансиализации в марксизме: шаг вперед или ложный путь? // Вопросы политической экономики. 2019. № 1. С. 68–81.
- Маньковская Н.Б. Эстетика постмодерна. СПб.: Алетейя, 2000.
- Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. I. М.: Госполитиздат, 1961.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. М.: Госполитиздат, 1969.
- Неравенство доходов и экономический рост / Под ред. А. Бузгалина, М. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция, 2014.
- Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996.
- Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
- Пороховский А.А. Экономический кризис как рубеж современного мирового и национального развития // Экономическая теория. 2009. Т. 6. № 1. С. 5–14.
- Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН, 2015.
- Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.
- Сифакис-Капитанакис К. Новые факторы глобальных финансов и финансиализация капитализма // Вопросы политической экономики. 2019. № 1. С. 82–93.
- Стиглиц Дж. Глобализация: Тревожные тенденции / Пер. с англ. и прим. Г.Г. Пирогова. М.: Мысль, 2003.
- Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015.
- Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. М.: Ин-т Гайдара, 2016.
- Теняков И.М. Подходы к оценке качества экономического роста // Вопросы политической экономики. 2016. № 4. С. 61–73.
- Файн Б. Финансиализация с марксистской точки зрения // Вопросы политической экономики. 2019. № 1. С. 34–49.
- Чэнь Х. Сорок лет экономических реформ в Китае: социальные результаты // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 81–90. DOI: 10.31857/S013216250007778-8.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция: перевод с английского М.: Э, 2018.
- Эрхард Л. Благополучие для всех. М.: Дело, 2001.
- Яковлева Н.Г. Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 104–114. DOI: 10.31857/S013216250007744-1.
- Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Michigan: The University of Michigan, 1994.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Malden; Oxford: Blackwell, 1996.
- Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century / Ed. by D. Kotz, T. McDonough, M. Reich. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010.
- Drucker P. Post-Capitalist Society. New York: Harper Business, 1993.
- Farzanegan M.R., Feizi M., Gholipour H.F. Globalization and Outbreak of COVID-19: An Empirical Analysis. MAGKS Papers on Economics 202018, Philipps-Universität Marburg, Faculty of Business Administration and Economics, Department of Economics (Volkswirtschaftliche Abteilung), 2020.
- Harvey D. The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- ILO. The Global Wage Report 2014/15: Wages and Income Inequality. Geneva: International Labour Organization, 2015.
- Lapavistas C., Levina I. Financial Profit: Profit from Production and Profit upon Alienation // Research on Money and Finance: Discussion Papers 24. 2010. November. URL: <https://marxismocritico.files.wordpress.com/2012/10/rmf-24-lapavistas-levina.pdf> (accessed 04.07.2020).

- Laurenti R., Singh J., Cotrim M.C., Toni M., Sinha R. Characterizing the Sharing Economy State of the Research: A Systematic Map // Sustainability. 2019. Vol. 11. No. 20. Article no. 5729. DOI: 10.3390/su11205729.
- Mosmann P.C. Renaissance of Shared Resource Use? The Historical Honeycomb of the Sharing Economy // Perspectives on the Sharing Economy / Ed. by D. Wruk, A. Oberg, I. Maurer. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019.
- Sforza A., Steininger M. Globalization in the Time of COVID-19 // CESifo Working Paper Series 8184. 2020. April. URL: https://www.cesifo.org/DocDL/cesifo1_wp8184_0.pdf (дата обращения: 10.07.2020).
- Shaikh A. Capitalism. Competition, Conflict, Crises. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Wolff E.N. Poverty and Income Distribution. Chichester, UK: Wiley-Blackwell, 2008.
- Wright E.O., Perrone L. Marxist Class Categories and Income Inequality // American Sociological Review. 1977. Vol. 42. No. 1. P. 32–55.

Статья поступила: 19.05.20. Финальная версия: 13.07.20. Принята к публикации: 14.08.20.

GLOBAL CRISES OF THE XXI CENTURY EXPOSE CONTRADICTIONS OF THE MODERN SOCIO-ECONOMIC MODEL

BODRUNOV S.D.

S.Yu. Witte Institute for New Industrial Development, Russia

Sergey D. BODRUNOV, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Director of S.Yu. Witte Institute for New Industrial Development; President of Free Economic Society of Russia; President of International Union of Economists, St. Petersburg, Russia (inir@inir.ru).

Abstract. The main focus of the article is a systemic crisis, which the pandemic has only intensified, and the fact that these crises, reinforced by the pandemic, expose the contradictions and the need for a qualitative, albeit gradual transformation of the existing system towards noonomy. The logic of the article is subordinated to this task. Based on previous studies of the author, his predecessors and colleagues, the article reveals contradictions of the modern social system, leading to deepening social inequality, inability to use the new wave of the technological revolution to solve global problems, destructive trends in the consumption model and the people's lifestyle that cause financialization. world crises, aggravation of global problems. Overcoming these contradictions is seen on the transition to a new quality of social production and orientation on the development of the human qualities. New technologies create the material basis to go away from the economic criteria of production activity and move towards noonomy – a social production system that is under control of the human mind and focused on cultural criteria.

Keywords: economic crisis, social inequality, financialization, technological revolution, noonomy, human development, culture.

REFERENCES

- Baudrillard J. (1994) *Simulacra and Simulation*. Michigan: The University of Michigan.
- Beck W. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Transl. by B. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress Traditsiya. (In Russ.)
- Bell D. (2004) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Transl. from Eng. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Bobylev S.N. (2020) Sustainable Development: A New Vision of the Future? *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 1(21): 67–83. DOI: 10.5281/zenodo.3753332. (In Russ.)
- Bodrunov S.D. (ed.) (2017) *Galbraith Restored*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russ.)
- Bodrunov S.D. (2018) *Noonomy*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russ.)
- Bodrunov S.D. (2019) Noonomy: Ontological Theses. *Economicheskoye vozrozhdenie Rossii* [The Economic Revival of Russia]. No. 4: 6–18. (In Russ.)
- Bodrunov S.D. (2016a) *The Coming of New Industrial Society*. 2nd ed., corrected and supplemented. St. Petersburg: INIR imeni S.Yu. Witte. (In Russ.)
- Bodrunov S.D. (2016b) The New Industrial Society of the Second Generation: Human, Production, Development. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics]. No. 9: 5–21. (In Russ.)
- Bodrunov S.D., Galbraith J.K. (2017) *The New Industrial Revolution and the Problems of Inequality*. Moscow: REU im. G.V. Plekhanova. (In Russ.)

- Buzgalin A.V. (2018) Late Capitalism and its Limits: Dialectics of Productive Forces and Production Relations (on the 200th Birth Anniversary of Karl Marx). *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 2: 10–38. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2018) *Global Capital*. In 2 vols. Vol. 2: Theory: Global Hegemony of Capital and its Limits ("Capital" Re-loaded). 4th ed., rev. and add. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Buzgalin A., Traub-Merz M., Voeikov M. (eds) (2014) *Income Inequality and Economic Growth*. Moscow: Kul'turnaya revoliutsia. (In Russ.)
- Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Malden; Oxford: Blackwell.
- Chen Hong. (2019) Forty Years of Economic Reforms in China: Social Results. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 81–90. (In Russ.)
- Drucker P. (1993) *Post-Capitalist Society*. New York: Harper Business.
- Erhard L. (2001) *Prosperity through Competition*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Eucken W. (1996) *The Foundations of Economics*. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
- Farzanegan M.R., Feizi M., Gholipour H.F. (2020) Globalization and Outbreak of COVID-19: An Empirical Analysis. In: *MAGKS Papers on Economics 202018*. Philipps-Universität Marburg, Faculty of Business Administration and Economics, Department of Economics (Volkswirtschaftliche Abteilung).
- Fine B. (2019) Financialization through Marxist Perspective. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 1: 34–49. (In Russ.)
- Galbraith J.K. (1969) *The New Industrial State*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Grinberg R.S., Degtyar L.S., Gorshkov M.K. (2007) *Social Inequality and Public Policy*. Ed. by V. Medvedev. Moscow: Kul'turnaya revoliutsiya. (In Russ.)
- Harvey D. (2003) *The New Imperialism*. Oxford: Oxford University Press.
- ILO. (2015) *The Global Wage Report 2014/15: Wages and Income Inequality*. Geneva: International Labour Organization.
- Inozemtsev V.L. (1998) *Outside of an Economic Society*. Moscow: Academia – Nauka. (In Russ.)
- Keynes J.M. (2012) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Transl. from Eng. by N.N. Lyubimov. Moscow: Helios ARV. (In Russ.)
- Kotz D., McDonough T., Reich M. (eds) (2010) *Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Krugman P. (2004) *The Big Lie*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Lapavitsas C., Levina I. (2010) Financial Profit: Profit from Production and Profit upon Alienation. *Research on Money and Finance*: Discussion Papers 24. November. URL: <https://marxismocritico.files.wordpress.com/2012/10/rmf-24-lapavitsas-levina.pdf> (accessed 04.07.2020).
- Laurenti R., Singh J., Cotrim M.C., Toni M., Sinha R. (2019) Characterizing the Sharing Economy State of the Research: A Systematic Map. *Sustainability*. Vol. 11. No. 20. Article no. 5729. DOI: 10.3390/su11205729.
- Manjkovskaya N.B. (2000) *Aesthetics of Postmodernism*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Marx K. (1961) Capital. Vol. III. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 25. Part I. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Marx K. (1969) Economic Manuscripts of 1857–1859. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 46. Part II. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Mavrodeas S. (2019) Financialization Hypothesis: A Creative Contribution or a Theoretical Blind Alley? *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 1: 68–81. (In Russ.)
- Mosmann P.C. (2019) Renaissance of Shared Resource Use? The Historical Honeycomb of the Sharing Economy. In: Wruk D., Oberg A., Maurer I. (eds) *Perspectives on the Sharing Economy*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Picketti T. (2015) *Capital in the Twenty-First Century*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Porokhovskiy A.A. (2009) The Economic Crisis as the Boundary of Modern World and National Development. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic Theory]. Vol. 6. No. 1: 5–14. (In Russ.)
- Ryazanov V.T. (2016) *(Un)Real Capitalism. The Political Economy of the Crisis and its Consequences for the World Economy and Russia*. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
- Schwab K. (2018) *The Fourth Industrial Revolution*. Transl. from Eng. Moscow: E. (In Russ.)
- Sforza A., Steininger M. (2020) Globalization in the Time of COVID-19. *CESifo Working Paper Series 8184*. URL: https://www.cesifo.org/DocDL/cesifo1_wp8184_0.pdf (accessed 10.07.2020).
- Shaikh A. (2016) *Capitalism. Competition, Conflict, Crises*. Oxford: Oxford University Press.
- Sifakis-Kapetanakis C. (2019) New Factors in Global Finances and the Financialization of Capitalism. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 1: 82–93. (In Russ.)

- Stiglitz D., Sen A., Fitoussi J.-P. (2016) *Misjudging our Life: Why Does GDP Make no sEnse? Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Transl. from Eng. I. Kushnareva; ed. T. Drobyshevskaya. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Stiglitz J. (2003) *Globalization and its Discontents*. Transl. from Eng. and approx. by G.G. Pirogov. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Stiglitz J. (2015) *The Price of Inequality. How Today's Divided Society Endangers our Future*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Tenyakov I.M. (2016) Approaches to the Evaluation of the Quality of Economic Growth. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 4: 61–73. (In Russ.)
- Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development*. (2015) UN. (In Russ.)
- Wolff E.N. (2008) *Poverty and Income Distribution*. Chichester, UK: Wiley-Blackwell.
- Wright E.O., Perrone L. (1977) Marxist Class Categories and Income Inequality. *American Sociological Review*. Vol. 42. No. 1: 32–55.
- Yakovleva N.G. (2019) Social Effect of Financialization of Education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 104–114. (In Russ.)

Received: 19.05.20. Final version: 13.07.20. Accepted: 14.08.20.